

О.Генри

Горящий светильник (сборник рассказов)

ФТМ

О. Генри

Горящий светильник (сборник)

«ФТМ»

1907

О. Генри

Горящий светильник (сборник) / О. Генри — «ФТМ», 1907

Один из самых известных юмористов в мировой литературе, О. Генри создал уникальную панораму американской жизни на рубеже XIX–XX веков, в гротескных ситуациях передал контрасты и парадоксы своей эпохи, открывшей простор для людей с деловой хваткой, которых игра случая то возносит на вершину успеха, то низвергает на самое дно жизни. «Филлипс подал вечернюю почту Карлсону Чалмерсу в его квартире близ Мэдисон-сквера. Помимо обычной корреспонденции в ней оказалось два конверта с одинаковым иностранным штемпелем. В один из конвертов была вложена женская фотография, в другой – бесконечно длинное письмо, над которым Чалмерс довольно долго просидел в задумчивости. Письмо было написано женщиной и содержало в себе много сладких, но ядовитых колючек, нацеленных на особу, изображенную на фотографии, отчего она показалась Чалмерсу вымазанной медом и вываленной в перьях...»

© О. Генри, 1907

© ФТМ, 1907

Содержание

Шехерезада с Мэдисон-сквера	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

О. Генри

Горящий светильник

(рассказы из авторского сборника)

Шехерезада с Мэдисон-сквера

(Перевод Т. Озерской)

Филлипс подал вечернюю почту Карлсону Чалмерсу в его квартире близ Мэдисон-сквера. Помимо обычной корреспонденции в ней оказалось два конверта с одинаковым иностранным штемпелем.

В один из конвертов была вложена женская фотография, в другой – бесконечно длинное письмо, над которым Чалмерс довольно долго просидел в задумчивости. Письмо было написано женщиной и содержало в себе много сладких, но ядовитых колючек, нацеленных на особу, изображенную на фотографии, отчего она показалась Чалмерсу вымазанной медом и вываленной в перьях.

Чалмерс разорвал письмо на тысячу мельчайших клочков и принялся терзать свой дорогой ковер, расхаживая по нему взад и вперед. Так ведет себя обитатель джунглей – зверь, попав в клетку, и так ведет себя обитатель клетки – человек, заблудившись в джунглях сомнений.

Мало-помалу душевное смятение улеглось. Ковер не был ковром-самолетом. Он мог покрывать пространство в несколько квадратных футов, и только; помочь своему хозяину покрыть три тысячи миль было не в его возможностях.

Появился Филлипс. Входить не входило в его привычки: он появлялся – неукоснительно, как хорошо вышколенный джинн.

– Вы обедаете дома, сэр, или будут другие распоряжения? – спросил он.

– Дома и ровно через полчаса, – отвечал Чалмерс и с тоской прислушался к завыванию золотой арфы января над опустевшими улицами.

– Обождите, – приказал он начавшему исчезать джинну. – Возвращаясь домой, я видел в конце сквера много людей, стоявших гуськом. А один человек что-то им всем говорил, взбравшись на какое-то возвышение. Что делают там эти люди и почему они стоят гуськом?

– Это бездомные, сэр, – отвечал Филлипс. – А человек, который стоит на ящике, старается устроить их на ночлег. Прохожие останавливаются послушать его и дают ему денег. Тогда он отбирает несколько человек и посылает их на эти деньги в ночлежку. Поэтому они и стали в очередь, чтобы в порядке очередности получить ночлег.

– Когда будете подавать обед, приведите одного из этих людей сюда, – распорядился Чалмерс. – Он пообедает со мной.

– Кото... которого же. – начал было Филлипс, впервые за всю свою многолетнюю службу позволив себе запинку в речи.

– Любого, по вашему усмотрению, – сказал Чалмерс. – Проследите только, чтобы он был по возможности трезв, и некоторая доля внешней опрятности тоже не будет поставлена ему в вину. Ступайте.

Играть роль калифа было совсем не в характере Карлсона Чалмерса. Но в этот вечер он почувствовал ненадежность старых, испытанных средств борьбы с меланхолией. В этот вечер, чтобы поднять настроение, ему требовалось что-нибудь из ряда вон выходящее, что-нибудь острое и экзотическое.

Через полчаса джинн Филлипс выполнил все, что было поручено ему Аладдином. Официанты из ресторана внизу проворно доставили наверх изысканный обед. Стол, накрытый на две персоны, весело сверкал, отражая пламя свечей под розовыми абажурами.

И вот уже Филлипс торжественно, словно возвещая о прибытии кардинала или о захваченном на месте преступления взломщике, возник на пороге и пропустил вперед еще дрожавшего от холода посетителя, изъятого из содружества сырых, жаждущих ночлега.

Людей такого сорта принято называть обломками кораблекрушения. Однако в этом случае напрашивалось сравнение другого порядка: гость казался жертвой грандиозного пожара, но что-то еще тлело на этом пепелище и грозило воспламениться. Руки и лицо гостя были свежeweымыты – обряд, совершенный по настоянию Филлипса, как дань грубо попраным условностям. Гость стоял, освещенный пламенем свечей, и казался единственным изъяном в безукоризненной мебелировке покоев. Землисто-бледное лицо его до самых глаз заросло щетиной цвета шерсти породистого ирландского сеттера. Гребень Филлипса был посрамлен в единоборстве с тускло-коричневой шевелюрой, плотно свалывшейся и воспринявшей контуры круглосуточно покрывавшей ее шляпы. В глазах гостя горел вызов, порожденный хитростью и отчаянием, – так загнанная в угол дворняжка взирает на своих мучителей. Потрепанный пиджак его был застегнут по самый ворот, и оттуда, как бы во искупление всех погрешностей костюма, выглядывал край воротничка рубашки. Когда Чалмерс поднялся из-за обеденного стола навстречу гостю, тот, против ожидания, не проявил особого замешательства.

– Я буду вам весьма признателен, – сказал хозяин, – если вы не откажетесь отобедать со мной.

– Моя фамилия Пальмер, – резко и вызывающе заявил гость с большой дороги. – Говорю это на тот случай, если вы, как и я, любите знать, с кем обедаете.

– А моя – Чалмерс, и я только что хотел представиться вам, – поспешил исправить свою оплошность хозяин. – Прошу вас занять место за столом.

Мистер Пальмер, странным образом напоминавший побитую бурей пальму, слегка согнул колени, позволяя Филлипсу пододвинуть под него стул. Всем своим видом он показывал, что ему не впервой садиться за стол, за которым прислуживает дворецкий. Филлипс подал анчоусы и маслины.

– Неплохо, – буркнул мистер Пальмер. – Обед, надо полагать, будет из нескольких блюд? Ну что ж, любезный правитель Багдада, я готов быть вашей Шехерезадой от закуски до зубочистки. Вы первый калиф с настоящим восточным размахом, встреченный мной после постигшего меня краха. Мне повезло! Я ведь был сорок третьим в очереди. Только кончил подсчитывать, как появился ваш почтенный эмиссар и попросил меня пожаловать на пир. А у меня было не больше шансов получить сегодня ночлег, чем стать завтра премьер-министром. Так как же вы предпочитаете познакомиться с печальной повестью моей жизни, мистер аль-Рашид, по одной главе с каждой сменой блюд или все жизнеописание залпом за кофе и сигарами?

– У вас, по-видимому, уже имеется некоторый опыт по этой части? – с улыбкой спросил Чалмерс.

– Нет, клянусь бородой пророка! – отвечал гость. – Нью-Йорк кишит прижимистыми Гарун аль-Рашидами, как Багдад блохами. Меня раз двадцать заставляли рассказывать мою историю под дулом филантропии. Покажите мне хоть одного человека в Нью-Йорке, который дал бы вам что-нибудь даром! Любопытство и благотворительность идут у нас рука об руку. Многие готовы авансировать вас десятью центами и китайским рагу, а некоторые калифы доводят свои благодеяния даже до добротного филе, но ни те ни другие не дадут вам ни охнуть, ни вздохнуть, пока не выжмут из вас всю вашу биографию, со всеми сносками, примечаниями и неопубликованными вариантами. О, я-то знаю, как нужно себя вести в нашем благословенном Багдаде-над-Подземкой, когда ты видишь, что к тебе приближается жратва. Я в этих слу-

чаях три раза бухаюсь лбом об асфальт тротуара и мысленно сочиняю очередную небылицу в оплату за ужин. Я объявляю себя потомком покойного Томми Тэккера, который вынужден был упражнять свои голосовые связки ради хлеба насущного.

– Но я не прошу вас занимать меня баснями, – сказал Чалмерс. – Признаюсь вам откровенно, что мне просто неожиданно взбрело в голову пригласить какого-нибудь незнакомца отобедать со мной. Поверьте, я не собираюсь докучать вам расспросами.

– А, бросьте! – воскликнул гость, с аппетитом принимаясь за суп. – Я ровным счетом ничего не имею против. Стоит мне завидеть приближающегося калифа, и я мгновенно превращаюсь в заправский восточный альманах в красной обложке, уже разрезанный для удобства чтения. Правду сказать, у нашей ночлежной братии выработалась даже своя такса на этот случай. Ведь кто-нибудь непременно остановится и пожелает узнать, что послужило причиной нашего падения. За сэндвич и кружку пива я обычно сообщаю, что виной всему была выпивка. За кусок солонины с капустой и чашку кофе я преподношу историю из популярной серии «Жестокосердый домовладелец, или Шесть месяцев на больничной койке и потеря работы». За бифштекс из вырезки и двадцать пять центов на ночлежку выдается полноценная уолл-стритовская трагедия внезапного банкротства и постепенного падения на дно. Но с благодетельностью такого размаха, как у вас, я сталкиваюсь впервые. У меня не заготовлено никаких вариантов на этот случай. Поэтому я готов предложить вам, мистер Чалмерс, подлинную историю моей жизни, если вы согласны ее выслушать. Поверить в нее вам будет, пожалуй, труднее, чем в любую небылицу.

Часом позже, когда Филлипс убрал со стола и подал кофе и сигары, гость из далекой Аравии с довольным видом откинулся на спинку стула.

– Слыхали вы когда-нибудь о Шеррарде Пальмере? – загадочно улыбаясь, спросил он.

– Это имя мне как будто знакомо, – сказал Чалмерс, – Мне кажется, оно принадлежит художнику, пользовавшемуся довольно большой известностью несколько лет назад.

– Пять лет назад, – уточнил гость. – После чего я пошел ко дну, как кусок свинца. Я – Шеррард Пальмер! Последний написанный мною портрет я продал за две тысячи долларов. А затем – все, ни одна живая душа не соглашалась мне больше позировать, даже если я предлагал отдать портрет даром.

– Что же произошло? – не удержался от вопроса Чалмерс.

– Произошла странная вещь, – угрюмо отвечал Пальмер. – Сам до сих пор как следует не пойму. Сначала я как сыр в масле катался. Двери фешенебельных гостиных были открыты для меня настезь, и заказы сыпались со всех сторон. Газеты называли меня модным художником. А потом начались какие-то странности. Стоило мне написать портрет, и все, кто бы его ни увидел, принимались как-то загадочно перешептываться и переглядываться.

Довольно скоро я понял, что за этим крылось. В моих портретах каким-то образом выявлялись скрытые черты характера изображенного на нем лица. Сам не знаю, как это у меня получалось, ведь я писал то, что видел. Знаю только, что это меня сгубило. Кое-кто из моих заказчиков пришел в бешенство и отказался взять портрет. Я написал портрет одной дамы – очень красивой, блистающей в свете. Когда портрет был закончен, муж этой дамы долго смотрел на него с каким-то странным выражением лица, а через неделю возбудил дело о разводе.

Помню еще случай с одним банкиром, который мне позировал. Когда я выставил его портрет у себя в студии, кто-то из знакомых этого банкира пришел поглядеть на него. «Боже милостивый! – воскликнул этот знакомый. – Неужто у него в самом деле такое выражение лица?» Я заверил его, что все находят в этом портрете очень большое сходство с оригиналом. «Я как-то никогда не замечал такого выражения в его глазах, – сказал он. – Пожалуй, я заеду в банк и сниму со счета свои деньги». И он отправился в банк, но его денег там уже не оказалось, как, впрочем и самого банкира.

Прошло не так уж много времени, и я очутился на мели. Люди не хотели, чтобы портреты разоблачали низменные стороны их души. Они могли улыбаться и придавать своему лицу лживое выражение, но портреты этого делать не умели. Я перестал получать заказы, и мне пришлось бросить свою профессию. Некоторое время я пробовал работать художником в газете, потом литографом, но и там моя деятельность кончилась так же плачевно. Когда я перерисовывал чью-нибудь фотографию, в моем рисунке выявлялись те черты характера, которых не было видно на фотографии, но которые, как я понимаю, были присущи оригиналу. Заказчики, особенно женщины, поднимали вой, и я не мог долго удержаться ни на одной работе. Тогда в поисках утешения я начал преклонять свою усталую голову на грудь старушки выпивки, после чего довольно скоро очутился в очереди на ночлежку и научился творить устные легенды для подателей милостыни на базарах нищеты. Не утомил ли я тебя своей правдивой повестью, о калиф? Я могу, если угодно, переключиться на уолл-стритовскую трагедию, но там требуется пустить слезу, а я боюсь, что после такого обеда мне не удастся выдавить из глаз ни капли соленой влаги.

– О нет, нет! – взволнованно сказал Чалмерс. – Ваш рассказ очень заинтересовал меня. Все ли ваши портреты выявляли какое-нибудь отталкивающее свойство или были среди них и такие, которые выдерживали испытание, налагаемое вашей необычайной кистью?

– Были ли такие? Да, – сказал мистер Пальмер, – были, преимущественно портреты детей, но довольно много было и женских и немало мужских. Не все люди плохи, знаете ли. А хороший человек хорош и на портрете. Как я уже сказал, объяснить это я не берусь, просто рассказываю все как есть.

На письменном столе Чалмерса лежала фотография, которая прибыла к нему в тот день из чужих стран. Не прошло и десяти минут, как он уже усадил мистера Пальмера за работу: сделать с этой фотографии набросок пастелью. Через час художник поднялся со стула и устало потянулся.

– Готово, – сказал он, зевая. – Извините, что я так долго копался. Эта работа как-то увлекла меня. Ну и устал же я, черт побери! Прошлой ночью так и не попал в ночлежку. Ну, а теперь, о Повелитель Правосверных, мне, как я полагаю, пора и откланяться!

Чалмерс проводил гостя до двери и сунул несколько бумажек ему в руку.

– Что ж, я это приму, – сказал мистер Пальмер. – Без этого картина падения была бы неполной. Благодарю. И спасибо за превосходный обед. Сегодня я буду спать без задних ног, и мне приснится Багдад. Лишь бы наутро все это и вправду не оказалось сном. Прощайте, о калиф из калифов!

И снова Чалмерс принялся беспокойно мерить шагами свой ковер. Но при этом он старался, насколько позволяли размеры комнаты, держаться подальше от письменного стола, на котором лежал пастельный набросок. Раз-другой он сделал попытку приблизиться к столу, но у него не хватало духу. Он видел краем глаза что-то серовато-коричневое и золотистое, но страх воздвиг между ним и наброском стену, разрушить которую у него не было сил. Он опустился на стул и постарался взять себя в руки. Потом вскочил и позвонил Филлипсу.

– Где-то в этом доме живет молодой художник, – сказал он. – Некто мистер Рейнеман. Может быть, вам известно, какую он занимает квартиру?

– На самом верху, окнами на улицу, сэр, – отвечивал Филлипс.

– Ступайте к нему и спросите его, не будет ли он так добр спуститься ко мне на несколько минут.

Рейнеман пришел без промедления. Чалмерс представился.

– Мистер Рейнеман, – сказал он. – Вон там, на столе, лежит небольшой пастельный набросок. Вы очень меня обяжете, если выскажете о нем свое суждение – как о его живописных достоинствах, так и по поводу изображенного на нем лица.

Молодой художник подошел к столу и взял набросок. Чалмерс отвернулся и оперся о спинку кресла.

– Ну, а само лицо?.. Что вы скажете о нем... о той...

– Как произведение искусства это выше всяких похвал, – сказал художник. – Это работа мастера – рисунок красив, правдив, смел. Я даже несколько озадачен: за последние годы мне не доводилось видеть ни одного пастельного портрета, который мог бы стать вровень с этим.

– Ну а само лицо?.. Что вы скажете о нем... о той, с кого это писалось?

– Лицо? – повторил художник. – По-моему, это лицо ангела Господня. Могу ли я узнать, кто...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.